

ИНТЕРВЬЮ

Интервью с Марком Грановеттером: «Теория организаций и экономическая социология идут рука об руку...»

Грановеттер Марк (Granovetter, Mark) — профессор им. Джоан Батлер Форд (Joan Butler Ford Professor) факультета социологии Стэнфордского университета (Стэнфорд, США).

Email: mgranovetter@stanford.edu

Перевод с англ.
Д.Ж. Ассалауовой.

— Марк, 10 лет назад в Вашем первом интервью журналу «Экономическая социология» [Грановеттер 2002] Вадим Радаев попросил Вас классифицировать ключевые подходы в экономической социологии. Тогда Вы говорили о том, что принято выделять три широкие области: к первой относится культурологическая и символическая перспектива; вторая сфокусирована на проблемах власти и властных отношений в экономике, третья же представлена сетевым подходом. С Вашей точки зрения, актуальна ли эта классификация сегодня? Что-то изменилось?

— Описанные подходы представляются мне не как научные школы, но как темы в экономической социологии, хотя каждая из них может ассоциироваться с определёнными людьми. Думаю, сегодня большинство экономсоциологов осознают значимость каждой из этих тем и понимают, что недостаточно уделять внимание какому-либо одному аспекту. Исследователи, сосредоточенные главным образом на изучении вопросов культуры, понимают, что власть и сети не менее важны. В свою очередь, социологи, занимающиеся сетевым анализом, безусловно, не могут игнорировать культуру и властные отношения, и т.д. Вероятно, в истории экономической социологии было время, когда исследователей можно было классифицировать строго в рамках этих категорий, но сегодня данное разделение представляется мне достаточно условным. Названные мной области — лишь общие тематические направления, и большинство исследователей стараются держать их в поле зрения, предлагая такую теоретическую перспективу, которая выстраивается с учётом наработок в рамках каждой из этих тем.

— Можем ли мы в таком случае говорить о существовании научных школ в экономической социологии?

— Трудно сказать, что можно отнести к научной школе в строгом смысле слова, так как в рамках экономической социологии реализуется огромное количество совершенно разных типов исследований. Не думаю, что сегодня существуют явно выраженные научные школы. Даже то, что называют марксистской экономической социологией, имеет множество вариаций, которые пересекаются с другими направлениями в экономической социологии. Поэтому я не стал бы говорить о том, что в экономической социологии существует определённый набор научных школ.

Я рассказываю своим студентам о том, что существуют три упомянутых выше измерения, которые крайне важно учитывать в своих исследованиях, и все они, пусть и с разных сторон, характеризуют практически любой

экономико-социологический объект, который выбирается для изучения, хотя вполне возможно, что в конкретном исследовании акцент будет сделан лишь на одном из этих измерений. Однако невозможно сделать хорошую работу, если сфокусироваться исключительно на одном аспекте. Таким образом, если вы изучаете только сети или только власть, игнорируя другие измерения, то вряд ли вы далеко продвинетесь в своём понимании.

— *Можно ли тогда утверждать, что экономическая социология представляет собой в большей или меньшей степени цельную область знания?*

— Мы имеем дело с социологическим подходом к изучению хозяйства. И я не вижу причин, почему в данном случае набор тем должен фундаментально отличаться от социологических исследований политики, религии, науки или любого другого института. Хозяйство — лишь один из социальных институтов, интересных социологам. Независимо от того, к какой отрасли социологии вы принадлежите, если один из институтов (например, хозяйство или политическая система) попадает в область ваших интересов, то нельзя ограничиваться изучением только этого института. Социология учит нас одной важной идее, которую не встретишь в рамках других дисциплин: различные институты тесно взаимосвязаны между собой.

Поэтому, исследуя экономические вопросы, мы не можем оставить в стороне темы политики, родства, науки или религии, а занимаясь политическими отношениями, нельзя игнорировать аспекты экономики и науки.

Социология как наука — и именно это отличает её от экономической теории или политической науки — посвящена тому, как различные институты сочетаются или не сочетаются друг с другом, вступают в противоречия между собой.

Другие научные дисциплины акцентируют внимание на том, как отдельно взятый институт функционирует в обществе, и вследствие этого не могут достичь полноты объяснения, что социологические исследования (в идеальном случае) способны делать.

Современные социологи не всегда уделяют этому должное внимание, но, думаю, социологическая теория обязана показывать, как различные институты связаны друг с другом в том или ином обществе. И это является отличительной особенностью социологии как науки, которая не должна ограничиваться изучением отдельно взятого института.

Десять лет назад в интервью я утверждал, что, по большому счёту, не считаю себя экономсоциологом, поскольку в первую очередь заинтересован в изучении разного рода институтов. Хозяйство — лишь один из таких институтов, который я выбрал для непосредственного изучения, отчасти из-за того, что, на мой взгляд, ему было посвящено не так много исследований. Когда я только приступил к его изучению, социологи, особенно в США, достаточно долгое время игнорировали экономические вопросы. На этом поле целиком и полностью доминировали экономисты, не уделявшие внимания другим социальным институтам, нерациональным формам человеческого поведения и предлагавшие для его объяснения схему «цель — средства». Помимо экономики, меня также интересуют вопросы политики. Ни при каких условиях вы не сможете понять хозяйственную жизнь, если за скобками анализа оставляете политическую сферу. Вы живёте в России и знаете это как никто другой.

Один из парадоксов марксизма состоит в том, что Маркс провозгласил сферу хозяйства в качестве основы и первопричины всех процессов, однако если и существует место на земле, подтверждающее приоритет политической жизни над экономической, то это Россия и бывший Советский Союз.

Как же возможно изучать хозяйственную жизнь и действительно понять, что с ней происходит, если не затрагивать при этом вопросы властных отношений или социальных сетей?

Сети, по сути, приводят политическую жизнь в действие. Поэтому такого рода аналитический инструмент необходим для изучения любого социального института (как он меняется и как связан с остальными институтами), но при этом изучение сетей вовсе не является самоцелью.

— *Из этого следует: экономическая социология во многом ориентируется на то, что происходит в общей социологии...*

— Безусловно.

— *Какие социологические наработки кажутся Вам наиболее важными для экономической социологии?*

— С моей точки зрения, любые значимые идеи общей социологии могут быть использованы для изучения хозяйственной жизни. Экономическая социология ни в коем случае не является своего рода гетто с собственными теориями, никоим образом не связанными с общей социологией. Поскольку экономика — лишь один из социальных институтов, я не могу найти веских причин для того, чтобы принципы её изучения как-то отличались от тех, что применимы к социальным институтам вообще.

Что касается современных наработок, нельзя не упомянуть акторно-сетевую теорию и концепцию перформативности: обе являются продуктом французской социологической мысли, и к каждой из них причастен Мишель Каллон. Дональд Маккензи, шотландский социолог, много писавший о перформативности (на его счету превосходная книга «An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets» («Двигатель, а не фотокамера: как финансовые модели трансформируют рынки») [MacKenzie 2006]), сейчас изучает финансовый кризис 2008 г., применяя тезис о перформативности и развивая акторно-сетевую теорию.

Полагаю, что идея перформативности достаточно плодотворна для понимания экономики. Маккензи провёл ряд очень интересных исследований, посвящённых, например, тому, как цены на опционы стали устанавливаться в соответствии с моделью Блэка—Скоулза—Мертон¹, трансформировавшей практику продажи опционов.

Маккензи получил ещё ряд интересных результатов, и я думаю, его работы, несомненно, заслуживают внимания.

Каллон в сборнике 1998 г. (где я опубликовал статью об индустрии производства электроэнергии в США) развивает похожие темы [Callon 1998]. И это, по-моему, один из наиболее интересных способов размышления о хозяйственной жизни в современном мире.

Пьер Бурдьё (Pierre Bourdieu), чьи работы в значительной степени сфокусированы также на экономической социологии, привлекает идеи из своей общей социологической теории о хабитусе и другие общие идеи, чтобы исследовать экономическую проблематику. И в этом плане его концепции также кажутся мне крайне полезными, а его труды — заслуживающими исследовательского внимания.

---

¹ Модель ценообразования опционов Блэка—Скоулза—Мертон, или формула Блэка—Скоулза (Black—Scholes Option Pricing Model), позволяет предсказывать теоретические цены на опционы. — *Примеч. перев.*

— *Какие подходы Вы можете назвать передовыми в современной социологической теории?*

— Я думаю, можно назвать несколько подходов. Например, сейчас к изданию готовится книга Джона Паджетта и Вуди Пауэлла, в которой представлена попытка концептуализировать то, как появляются новые организационные или экономические формы [Padgett, Powell, Forthcoming]. Их аналитический арсенал представляет собой некую комбинацию множественного сетевого анализа (*multiple network analysis*) и теоретических аргументов, заимствованных из химии.

Паджетт утверждает, что новые институты возникают путём транспозиции (*transposing*) существующих паттернов в новое окружение. Это, как мне кажется, несколько созвучно социальной психологии, в том числе работам о схемах: существуют определённые способы, с помощью которых люди могут понимать мир, определённые паттерны, в соответствии с которыми язык обретает смысл.

Тезис Паджетта заключается в том, что люди, пытаясь справиться с новой хозяйственной проблемой, обращаются к уже имеющимся у них ментальным схемам, а также опираются на уже знакомые им варианты решения других задач, которые могут и не быть связаны очевидным образом с экономикой, а заимствованы из иных ситуаций, будь то родственные отношения или же политический контекст. Люди, таким образом, используют знакомые им принципы функционирования этих институтов при решении экономической проблемы, и в экономическом контексте эти принципы получают новое звучание и новые функции. Процесс, когда транспозиция и рефункционализация (*refunctionality*) (возникновение в изменившемся окружении новой функции прежних паттернов поведения) начинают трансформировать другие окружающие институты, авторы, пользуясь химической терминологией, называют катализом.

Паджетт опубликовал статью, описывающую процесс формирования системы партнёрства в средневековой Флоренции [Padgett, McLean 2006], в которой он также применяет наработки множественного сетевого анализа, исследуя сети родственных отношений, политические и экономические сети. Паджетт показывает, как эти схемы транспозиционируются из одного институционального контекста в другой, как приобретают новое функциональное значение и затем меняют ситуацию вокруг.

С моей точки зрения, это очень интересный ракурс: используя некоторые из положений сетевой теории, мы получаем возможность изучить и понять, как институты связаны друг с другом.

Паджетт и Пауэлл находятся лишь на начальной стадии разработки этих концептов, но их идеи представляются мне передовыми и плодотворными для понимания инноваций экономических и организационных.

Их идеи содержат гораздо более мощные аргументы, чем то примитивное функциональное объяснение, с которым вы сталкиваетесь, когда на вопросы: «Как появился рынок акций?» или «Как образовалась система партнёрства?» — получаете в ответ: «Потому что в данных условиях этот вид отношений был наиболее эффективен». Однако чаще всего то, что является наиболее эффективным, как раз и не возникает, иначе мы не сталкивались бы с такими беспорядками в обществе.

Нас часто окружают хаос и катастрофы, и мы видим, как некоторые функции не выполняются вовсе. Поэтому мысль о том, что можно объяснить появление нового с точки зрения его эффективности в решении проблемы, нельзя признать удовлетворительной, ведь большинство проблем по-прежнему никак не решается. Повторюсь: если бы они решались, мы не имели бы столько беспорядка вокруг.

Поэтому я думаю, концепция Пауэлла очень плодотворна. Она сформировалась под влиянием идей Стивена Гулда и Ричарда Левонтина, написавших интересную статью, посвящённую критике социо-

биологии [Gould, Lewontin 1979]; в рамках этой дисциплины принято объяснять характерные признаки видов через эволюционные проблемы, с которыми эти отличительные черты помогают справляться.

Эволюционные теории очень распространены: например, определённый вид животных имеет длинную шею, потому что обитал в среде, где пища росла высоко на деревьях. Подобный способ объяснения можно назвать адаптационным.

Гулд и Левонтин утверждают, что это адаптационное объяснение бывает вполне правдоподобным, но не обязательно является истинным, поэтому необходимо показывать, как именно возникла та или иная характеристика.

В результате вполне может оказаться, что причина её возникновения совершенно иная, отличная от той, которую предполагает адаптационное объяснение.

В этом смысле идеи Паджетта и Пауэлла, как мне кажется, действительно опираются на критику адаптационного объяснения: исторический анализ, который они проводят, требует насыщенного описания деталей. Гораздо проще посмотреть на то, что случилось, и объяснить произошедшее с помощью истории об адаптации (о том, с какой проблемой нечто помогло справиться), чем кропотливо и дотошно выяснять, как это происходило на самом деле, почему данная частная проблема была разрешена. Не говоря уже о том, что большинство проблем в конечном счёте вообще не разрешаются.

— *Мой следующий вопрос о том, как соотносятся между собой экономическая социология и социология организаций. Я беседовал с Диком Скоттом (Dick Scott), и в интервью он говорил о том, что в 1950-х и 1960-х годах экономическую социологию рассматривали как часть социологии организаций; сегодня наблюдается обратная ситуация, и многие рассматривают социологию организаций как часть экономической социологии. Согласны ли Вы с такой точкой зрения?*

— Мне кажется, что в 1950-х и 1960-х годах активно развивалась так называемая индустриальная социология, в рамках которой проводились главным образом исследования крупных промышленных предприятий. Затем она сошла на нет как самостоятельное направление, частично или полностью переродившись в организационную теорию.

Сейчас, я думаю, теория организаций и экономическая социология идут рука об руку, в значительной мере сближаясь друг с другом.

Организационная теория важна для экономической социологии, потому что экономическая деятельность осуществляется в хозяйственных организациях, как коммерческих, так и некоммерческих. Поэтому, если вас интересуют производство, распределение и потребление товаров и услуг, необходимо разобраться в том, как работают организации, занимающиеся их изготовлением и распространением.

Когда мы обсуждаем эти вопросы с моими студентами, я обращаю их внимание на работы Альфреда Чандлера (Alfred Chandler) и Оливера Уильямсона (Oliver Williamson). Возможно, вы помните, что в моей статье об укоренённости [Грановеттер 2002] тезис Уильямсона о трансакционных издержках [Williamson 1975] был одной из отправных точек рассуждений.

В той работе я беру те положения организационной теории, которые нельзя в полной мере назвать социологическими (основанные на идее о рациональном достижении таких целей, как, например, снижение трансакционных издержек), и помещаю их в социологический контекст, чтобы они стали более понятными.

В ходе такого анализа я не задумывался о том, выхожу ли за границы экономической социологии и вторгаюсь ли в поле организационной теории.

На самом деле это совершенно не важно. Речь идёт об исследовательской проблеме, пытаюсь решить которую, вы привлекаете подходящие идеи независимо от того, в рамках какого направления они появились.

В нашем университете курсы по экономической социологии и организационной теории преподаются отдельно. Содержательно некоторые темы последней, возможно, никак не соотносятся с экономической социологией, так как посвящены организациям, не несущим никаких экономических функций (например, чисто политические или добровольные организации и различного рода клубы по интересам; скажем, клуб садоводов). То же можно сказать и в отношении экономической социологии: ряд идей о роли культуры, работы Вивианы Зелизер (Viviana Zelizer) о деньгах, вряд ли заинтересуют исследователей, работающих в организационной парадигме. Но, конечно, тематически эти курсы сильно пересекаются.

И, по-моему, это абсолютно естественно. Не нужно беспокоиться о том, является ли экономическая социология частью организационной теории, или же наоборот.

Думаю, содержательно эти две самостоятельные области неизбежно пересекаются, и когда это происходит, нет нужды задумываться о том, переходите ли вы границы какой-либо из них.

— Давайте теперь обратимся к перспективе сетевого анализа в экономической социологии и социологии организаций. Какие методологические подходы или темы в этой области Вам представляются наиболее перспективными?

— Я думаю, что сети — это инструмент исследования, применяемый в большинстве областей социологической науки. Вряд ли существует уровень организации социальной жизни, на котором сети были бы не важны.

Они важны всегда. Социальные сети используются как инструмент, с помощью которого можно понять и объяснить более широкое социальное окружение. Пожалуй, причина интереса социологов к сетям заключается в том, что они являются неким мезоуровнем, связывающим в объяснительной схеме отдельных индивидов с их целями или же очень небольшие группы с более широкой институциональной средой.

Сети способствуют достижению отдельными индивидами целей более высокого уровня, а результаты, которых они таким способом добиваются, аккумулируются в виде более крупных институциональных образований и событий.

Именно поэтому сетевой подход позволяет соотнести микро- и макроуровни, являясь важным аналитическим инструментом в любом типе социологического исследования.

Иногда социологи ссылаются на сетевую теорию или идентифицируют кого-то как сетевого теоретика, что, с моей точки зрения, не совсем верно, так как сетевой подход в большей степени метод, чем самостоятельная теория. Формальное исследование сетей никуда вас не приведёт, до тех пор пока вы не поместите их в некоторый социальный контекст и не объясните, как люди используют сети для достижения целей, или же как люди взаимодействуют в рамках сетей для достижения общего результата.

При этом люди необязательно осознают и чётко формулируют эту цель; всё, что происходит внутри сетей, необязательно является результатом рационального поиска, в принципе. В реальной жизни эти процессы гораздо сложнее. По крайней мере, сложнее, чем они представлены в теории рационального выбора.

— *Можно ли говорить о том, что сетевой подход в экономической социологии опирается на некоторые общепринятые положения и принципы?*

— Помимо соображения о том, что сети имеют значение, существуют и общие для всех довольно простые математические аксиомы, например: «Если имеется n точек, можно провести столько-то линий» и т. п. Но я не рассматриваю сетевой анализ как единый теоретический подход для изучения чего-либо.

Многие исследования в рамках сетевого подхода фокусируются на очень конкретных технических вопросах. Изучение этих вопросов, несомненно, важно, однако некоторые авторы рассматривают их решение как самоцель, что снижает привлекательность такого анализа.

И мне кажется, что даже те, кто занимается сетями в теоретическом русле, имеют слишком разные теоретические интересы, поэтому не думаю, что здесь можно говорить о наличии некоего теоретического ядра, которое объединяет всех исследователей социальных сетей.

Тем не менее некоторые теоретические вопросы гораздо легче разрешить, если использовать сетевую методологию. Например, несомненный предмет сетевого анализа — распространение инноваций.

Внутри социальных сетей происходит появление и распространение норм, поэтому, чем больше мы знаем о сетях, тем больше понимаем, как нормы объединяют людей и распространяются из одной части социальной организации в другую. В объяснении того, как работают нормы, нельзя обойти вниманием конкретные сети социальных отношений. Это та ошибка, которую, например, совершил Толкотт Парсонс (Talcott Parsons). Он полагал, что может изучить влияние норм и ценностей, игнорируя конкретные уровни социального анализа и до некоторой степени интуитивно предполагая то, какие ценности относятся к общеразделяемым (как если бы все люди на этот счёт думали одинаково).

Общество представляет собой более сложное образование, и одной из причин, почему теории Парсонса перестали быть популярными, является то, что в предложенной им теории общества нет места для конфликта: ведь все согласны по поводу основополагающих ценностей. Было бы неплохо, не правда ли? Но в действительности общества не являются таковыми.

Повторюсь: сетевой анализ — лишь инструмент. Но очень мощный инструмент, ибо утверждение о том, что люди включены в сети отношений, характеризует фундаментальный аспект социальной жизни. Этот инструмент помогает нам понять, как разворачиваются социальные процессы и происходят перемещения в социальном пространстве.

И если обратиться к классикам социологии, например, к работам Маркса, Вебера или Дюркгейма (особенно Дюркгейма), то легко обнаружить, что сетевая метафора является основанием для целого ряда их идей.

Вспомните типы самоубийств по Дюркгейму [Дюркгейм 1994]; его теория может быть легко переформулирована в терминах анализа социальных сетей.

— Можете привести пример?

— Рассмотрим эгоистический тип самоубийства и аномию. Тезис о том, что протестанты совершают самоубийство с большей вероятностью, чем католики, относится к дискуссии о том, какие типы сетей поддержки (*support network*) наблюдаются в каждом случае. Дюркгейм не использует терминологию сетевого анализа, поскольку в то время она ещё не была сформулирована, но, по сути, его рассуждения близки по содержанию к сетевому подходу. То же самое можно сказать и о тезисах, которые он выдвигает в борьбе с психологическим редукционизмом.

Классики социологии представляли общество пронизанным сетями отношений. Думаю, это относится к Веберу и, несомненно, к Зиммелю. Возможно, тот факт, что к середине XX века эта метафора перестала быть актуальной, и есть причина, по которой социология того времени переживала упадок.

Высокий уровень абстракций, характерный для теоретизирования того периода, вытеснил конкретных людей и их социальные отношения на периферию исследовательского внимания, как если бы они были всего лишь производными более крупных социальных образований. Но в действительности общество работает совсем не так.

— *Интересное замечание. Не могли бы Вы рассказать более подробно о новых наработках в области исследований межорганизационных сетей. Например, есть ли новые идеи в исследованиях переплетённых директоратов (interlocking directorates)?*

— Безусловно, в этой области есть множество интересных работ, но для того, чтобы понять природу переплетённых директоратов, важно обратиться к теоретическим аргументам. Для чего нужны переплетённые директораты? Чтобы запустить инновации? Или они связаны с властными отношениями? Некоторые исследователи пытаются показать, что это явление, по сути своей, политическое. И здесь мы возвращаемся к Ч. Райту Миллсу (C. Wright Mills) или к любым другим теоретикам элит, или к тем, кто утверждает, что «мир тесен» (*small world*), говоря о властных элитах: исследование заходит в тупик, если мы не дополним сетевой анализ общими социологическими теориями власти.

Знание о структуре сети не является достаточным для понимания элиты и того, как она осуществляет свою власть: необходимо определение власти как таковой, понимание механизмов её распространения и социальных норм. Сети — лишь часть общей картины. Они выступают необходимым, но не достаточным условием для изучения крупных социальных образований.

Существуют и другие интересные результаты исследований, особенно в рамках проблематики распространения инноваций. Безусловно, можно опираться на теорию ресурсной зависимости, разработанную Джеффри Пфеффером (Jeffrey Pfeffer) и Джеральдом Саланчиком (Gerald Salancik). В рамках этой теории обсуждаются вопросы о том, как организации связаны друг с другом, однако их подход не акцентирует внимание на структурных элементах сетей, в которые организации вовлечены.

Упомянутые выше исследования появились недавно, хотя изучение переплетённых директоратов имеет почти столетнюю историю. Интерес возник, по крайней мере, тогда, когда люди столкнулись с необходимостью решать вопросы, связанные с властью и тайными сговорами. В 1912, 1913 и 1914 гг. в Сенате США проводились так называемые слушания Пуйо², где, по сути, поднимались вопросы тайных

---

² Имеются в виду слушания, организованные в Сенате США, по делу финансовых трстов. Комитетом, который возглавлял член конгресса Арсен Пуйо (Arsene Pujo), велись расследования деятельности финансовых магнатов США, сумевших сосредоточить в своих руках власть над финансами страны. Сегодня популярна теория о существовании тогда тайного заговора. — *Примеч. перев.*

сговоров и выявлялись (с применением опросных техник) сложно устроенные сети потенциальных заговорщиков, в том числе переплетения. Но теорий на этот счёт тогда не было.

Чтобы продвинуться в понимании того, как реализуется власть, мы должны формулировать более общие гипотезы о власти применительно к сетевым переплетениям, чего до недавнего времени не делалось.

Собственно, этим я сейчас и занимаюсь. Книга, которую я пишу, посвящена экономической социологии в целом, но в ней есть глава о властных отношениях, где я излагаю свои рассуждения на этот счёт.

— *Это не та книга, о которой Вы говорили в прошлом интервью? Вы собирались закончить её в 1987 г.?*

— Именно так. Конечно, я немного выбился из графика, но, надеюсь, это сделает книгу только лучше.

— *Когда Вы планируете закончить книгу?*

— Вообще, черновой вариант первой части готов: я веду переговоры с издателем, и мы, скорее всего, выпустим её как отдельную книгу. Так что некоторые из этих рассуждений всё же в скором времени увидят свет и, наконец, покинут ящик моего стола.

— *Складывается впечатление, что Вы работаете над чем-то фундаментальным в духе «Хозяйства и общества» М. Вебера...*

— За исключением того, что название моей книги звучит как «Общество и хозяйство». Думаю, настало время расположить эти два термина в правильном порядке.

— *Это верно. Тогда последний вопрос к Вам. Какие книги или статьи, опубликованные в последние три или четыре года, Вы считаете наиболее значимыми и рекомендуете прочитать экономсоциологам?*

— Лучше всего будет дать Вам список обязательной литературы для подготовки наших магистрантов к экзамену. Я не включил бы в этот список книги, которые не стоят прочтения³.

Думаю, что есть ещё множество замечательных книг, которые стоит прочитать. Например, новая работа Дэвида Старка «The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life» («Смысл диссонанса: оценки ценности в хозяйственной жизни») [Stark 2009], особенно вводная глава о гетерархии [Старк 2009]. Готовящаяся к изданию книга Паджетта и Пауэлла содержит необычайно интересный подход. Мне также очень нравятся работы Дональда Маккензи. «Двигатель, а не фотокамера» — книга преимущественно об экономической социологии, но ею не исчерпывается. Внимание к проблемам перформативности проистекает из социальных исследований науки, а потому довольно интересно наблюдать за тем, как исследования научных институтов повлияли на осмысление современных экономических процессов.

В этом отношении крайне полезны работы Карин Кнорр (Karin Knorr) из Чикагского университета (её также называют Карин Кнорр-Цетина), которые тоже могут быть отнесены к корпусу исследований по перформативности.

---

³ См. приложение «Список литературы, рекомендуемой для подготовки к экзамену...». — *Примеч. перев.*

Я отмечу Вивиану Зелизер, а также Пола Димаджио, особенно его статью 1997 г. «Culture and Cognition» («Культура и познание») [DiMaggio 1997], и Нила Флигстина, чьи труды о проблеме контроля и взаимосвязи рынков и политики побуждают к размышлению [Fligstein 1996].

Я мог что-то упустить, поэтому предлагаю всё же внимательно изучить тот список литературы, который я упомянул.

— *Большое спасибо.*

Беседовал Игорь Чуриков
Стэнфордский университет
27 февраля 2012 г.

Приложение

Список литературы, рекомендуемой для подготовки к экзамену (магистерская программа по экономической социологии, 2012 г.)

Составители: Марк Грановеттер, Паоло Париджи (Paolo Parigi), Кристобэл Янг (Cristobal Young), Стэнфорд.

Классические тексты

Smith A. 1776. *The Wealth of Nations*. I. W. London: Strahan and T. Cadell; Chs. 1, 2, 10 (Part 1); см. также Смит А. 2007. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: ЭКСМО; Гл. 1; 2; 10.

Durkheim E. 1997. *The Division of Labour in Society* / Coser L.A. (trans.). New York: Free Press; см. также Дюркгейм Э. 1996. *О разделении общественного труда*. М.: Канон.

Swedberg R. 1998. *Max Weber and the Idea of Economic Sociology*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Weber M. 1978. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology* / Roth G., Wittich C. (eds); Fischeff E. et al. (trans.). Berkeley: University of California Press.

Polanyi K. 1944. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. New York: Farrar & Rinehart; Chs. 4, 6; см. также Поланьи К. 2002. *Великая трансформация*. СПб.: Алетейя; Гл. 4; 6.

Polanyi K. 2001. The Economy as Instituted Process. In: Granovetter M., Swedberg R. (eds). *The Sociology of Economic Life*. 2nd ed. Boulder, CO: Westview Press; Ch. 1; см. также Поланьи К. 2001. Экономика как институционально оформленный процесс. *Экономическая социология*. 3 (2): 62–73. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2002-3-2/index.html>

Общие вопросы

Hirschman A. 1982. Rival Interpretations of Market Society: Civilizing, Destructive or Feeble? *Journal of Economic Literature*. 20: 1463–1484.

Elster J. 1989. Social Norms and Economic Theory. *Journal of Economic Perspectives*. 3 (4): 99–117; см. также: Эльстер Ю. 1993. Социальные нормы и экономическая теория. *THESIS*. 3: 73–91.

Gouldner A. 1960. The Norm of Reciprocity. *American Sociological Review*. 25: 161–178.

Granovetter M. 1985. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *American Journal of Sociology*. 91 (November): 481–510; см. также: Грановеттер М. 2002. Экономическое действие и социальная структура: проблема укоренённости. *Экономическая социология*. 3 (3): 44–58. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2002-3-3/index.html>

Macaulay S. 1963. Non-Contractual Relations in Business. *American Sociological Review*. 28: 55–67.

Mackenzie D. 2006. *An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets*. Cambridge, MA: MIT Press.

Sen A. K. 1977. Rational Fools: A Critique of the Behavioral Foundations of Economic Theory. *Philosophy and Public Affairs*. 6 (4): 317–344.

Stark D. 2009. *The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life*. Princeton, NJ: Princeton University Press. Ch. 1; см. также: Старк Д. 2009. Гетерархия: организация диссонанса. *Экономическая социология*. 10 (1): 57–89. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2009-10-1/index.html>

Культурологический подход

Dobbin F. 2011. Why the Economy Reflects the Polity: Early Rail Policy in Britain France and the United States. In: Granovetter M., Swedberg R. (eds). *The Sociology of Economic Life*. 3rd ed, Boulder, CO: Westview Press. (Summary of Dobbin 1994, Forging Industrial Policy.); см. также: Доббин Ф. 2004. Формирование промышленной политики. Заключение. *Экономическая социология*. 5 (1): 45–62. URL: <http://www.ecsoc.msses.ru/Transl.php>

Zelizer V. 1978. Human Values and the Market: The Case of Life Insurance and Death in 19th Century America. *American Journal of Sociology*. 84 (3): 591–610; см. также: Зелизер В. 2010. Человеческие ценности и рынок: страхование жизни и смерть в Америке XIX века. *Экономическая социология*. 11 (2): 54–72. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2010-11-2/index.html>

Zelizer V. 1994. The Social Meaning of Money. New York: Basic Books; см. также: Зелизер В. 2004. *Социальное значение денег*. М. ГУ ВШЭ. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2004-5-1/index.html>

Abolafia M. 1994. *Making Markets: Opportunism and Restraint on Wall Street*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1–63.

Сетевой подход

Burt R. 1992. *Structural Holes: The Social Structure of Competition*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Granovetter M. 1985. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *American Journal of Sociology*. 91 (3): 481–510; см. также: Грановеттер М. 2002. Экономическое действие и социальная структура: проблема укоренённости. *Экономическая социология*. 3 (3): 44–58. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2002-3-3/index.html>

Uzzi B. 1997. Social Structure and Competition in Interfirm Networks: The Paradox of Embeddedness. *Administrative Science Quarterly*. 42: 35–67.

Podolny J. 1993. A Status-Based Model of Market Competition. *American Journal of Sociology*. 98 (4): 829–872.

Podolny J. 2001. Networks as Pipes and Prisms of the Market. *American Journal of Sociology*. 107 (1): 33–60.

Padgett J.F., McLean P. 2006. Organizational Invention and Elite Transformation: The Birth of Partnership in Renaissance Florence. *American Journal of Sociology*. 111 (5): 1463–1568.

Компаративный, исторический, институциональный подходы

Dore R. 1983. Goodwill and the Spirit of Market Capitalism. *British Journal of Sociology*. 34 (4): 459–482; см. также: Дор Р. 2010. Добрая воля и дух рыночного капитализма. *Экономическая социология*. 11 (3): 37–57. URL: <http://www.hse.ru/mag/ecsoc/2010-11-3.html>

Hall P., Soskice D. 2001. *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. Introductory chapter. Oxford University Press.

Streeck W. 2011. E Pluribus Unum? Varieties and Commonalities of Capitalism. In: Granovetter M., Swedberg R. (eds). *The Sociology of Economic Life*. 2nd ed. Boulder, CO: Westview Press.

Evans P. 1995. *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*. Princeton: Princeton University Press.

James H. 2008. Family Values or Crony Capitalism? *Capitalism and Society*. 3 (1): 1–28.

Nee V. 1996. The Emergence of a Market Society: Changing Mechanisms of Stratification in China. *American Journal of Sociology*. 100: 908–949.

Zhou X. 2000. Economic Transformation and Income Inequality in Urban China. *American Journal of Sociology*. 105 (4): 1135–1174.

Walder A. 2011. Transitions from State Socialism: A Property Rights Perspective. In: Granovetter M., Swedberg R. (eds). *The Sociology of Economic Life*. 2nd ed. Boulder, CO: Westview Press.

Политический подход

Burawoy M. 1979. *Manufacturing Consent: Changes in the Labour Process under Monopoly Capitalism*. Chicago: University of Chicago Press.

Fligstein N. 1996. Markets as Politics: A Political-Cultural Approach to Market Institutions. *American Sociological Review*. 61: 656–673; см. также: Флигстин Н. 2003. Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам. *Экономическая социология*. 4 (1): 45–63. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2003-4-1/index.html>

Padgett J., Ansell C., 1993. Robust Action and the Rise of the Medici. *American Journal of Sociology*. 93 (6): 1259–1319.

Roe M. 1994. *Strong Managers, Weak Owners: The Political Roots of American Corporate Finance*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Труд, занятость, профессия

Abbott A. 1988. *The System of Professions. An Essay on the Division of Expert Labor*. Chicago: University of Chicago Press.

Granovetter M. 1995. *Getting a Job: A Study of Contacts and Careers*. 2nd edition. Chicago: University of Chicago Press.

Hughes E. C. 1958. *Men and Their Work*. Glencoe, IL: Free Press.

Starr P. 1982. *The Social Transformation of American Medicine*. New York: Basic Books.

Статусные и категориальные структуры

Podolny J. M. 1993. A Status-Based Model of Market Competition. *American Journal of Sociology*. 98: 829–872.

Podolny J.M., Stuart T.E., Hannan M.T. 1996. Networks, Knowledge, and Niches: Competition in the Worldwide Semiconductor Industry. *American Journal of Sociology*. 102: 659–689.

Zuckerman E.W. 1999. The Categorical Imperative: Securities Analysts and the Legitimacy Discount. *American Journal of Sociology*. 104: 1398–1438.

Индустриальные организации

Baron J.N., Bielby W.T. 1980. Bringing the Firm Back In: Stratification, Segmentation, and the Organization of Work. *American Sociological Review*. 45: 737–765.

Bendix R. 1956. *Work and Authority in Industry: Ideologies of Management in the Course of Industrialization*. New York: Wiley.

Chandler A. 1977. *The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.

Du Boff R., Herman E. 1980. Alfred Chandler's New Business History: A Review. *Politics and Society*. 10 (1): 87–110.

Fligstein N. 1993. *The Transformation of Corporate Control*. Cambridge, MA.: Harvard University Press.

Hirsch P. 1972. Processing Fads and Fashions: An Organization-Set Analysis of Cultural Industry Systems. *American Journal of Sociology*. 71 (4): 639–659.

Stinchcombe A. 1959. Bureaucratic and Craft Administration of Production: A Comparative Study. *Administrative Science Quarterly*. 4 (2): 168–187.

Williamson O. 1985. The Economic Institutions of Capitalism. *The Free Press*: 43–63; см. также: Уильямсон О. 1996. *Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация*. СПб.: Лениздат.

Литература

- Грановеттер М. 2002. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности. *Экономическая социология*. 3 (3): 44–58. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2002-3-3/index.html>
- Дюркгейм Э. 1994. *Самоубийство: Социологический этюд*. М.: Канон.
- Старк Д. 2009. Гетерархия: организация диссонанса. *Экономическая социология*. 10 (1): 57–89. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2009-10-1/index.html>
- Callon M. (ed.). 1998. *The Laws of the Markets*. London: Blackwell Publishers.
- Fligstein N. 1996. Markets as Politics: A Political-Cultural Approach to Market Institutions. *American Sociological Review*. 61: 656–73; см. также: Флигстин Н. 2003. Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам. *Экономическая социология*. 4 (1): 45–63. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2003-4-1/index.html>
- DiMaggio P. 1997. Culture and Cognition. *Annual Review of Sociology*. 23: 263–287.
- Gould St. J., Lewontin R. 1979. The Spandrels of San Marco and the Panglossian Paradigm: A Critique of the Adaptationist Programme. *Proceedings of the Royal Society of London. Series B*. 205 (1161): 581–598.
- Mackenzie D. 2006. *An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Padgett J.F., McLean P. 2006. Organizational Invention and Elite Transformation: The Birth of Partnership Systems in Renaissance Florence. *American Journal of Sociology*. 111: 1463–1568.
- Padgett J.F., Powell W. Forthcoming. *The Emergence of Organizations and Markets*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Stark D. 2009. *The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Williamson O. 1975. *Markets and Hierarchies*. New York: Free Press.